

освещается не только современное состояние диалектов — современные процессы интерграции этих диалектов, но и тем, что здесь делается попытка установить причины возникновения диалектных групп, разграничить диалектные особенности до исторического периода и те, которые возникли в исторический период, установить пути и закономерности образования диалектных различий. Автор убедительно показывает, что хотя изоглоссы некоторых старых диалектных различий и совпадает с племенными границами, прямую связь между современными диалектными группами с границами племенных диалектов и с административными границами феодальных владений установить трудно, так как создание ранних феодальных государств на территории чешских и моравских земель было связано с большими перемещениями населения, что привело к известной нивелировке, к языковому выравниванию, которое, однако, не было проведено полностью. В ряде (главным образом, окраинных) областей сохранились старые различия, которые связывают те или иные области с диалектами соседних языков. Кроме того, инновации, возникшие в центральных областях, не распространились на все диалектные области, что также приводило к образованию новых различий между диалектами. Развитие диалектов в книге Я. Белича дается на фоне истории; вопросы образования диалектов, интерференции различных диалектных систем, взаимных перекрещиваний, смещений, переходности явлений и др. в книге рассматриваются как продукт исторического развития.

В процессе взаимодействия между близкими диалектами стираются наиболее яркие и специфические различия и развивается особый тип народно-разговорной речи — интердиалект, лишенный целого ряда локально ограниченных особенностей и представляющий широкое развитие тех черт, которые являются общими для группы диалектов. Так, на базе собствен-

но чешских говоров возник чешский интердиалект (obecná čeština), на территории распространения среднеморавских говоров — обecná hanaština, на территории ляхских говоров — обecná laština и т. д. Возникшие интердиалекты не находятся на одном уровне. В системе национального чешского языка особое место занимает обecná čeština, которая, заметно расширив и изменив свои функции, переросла рамки интердиалекта. Она представляет более высокий тип интердиалектного образования, который проявляет тенденцию стать общенародным нелитературным языком⁷. В «Очерках...» Я. Белича уделяется достаточно внимания причинам возникновения и характеристике интердиалектов, роли и функциональной значимости обиходно-разговорного чешского языка, языку городского населения.

Заключительная глава работы (стр. 333—348) представляет собой краткий очерк развития чешской диалектологии, характеристику ее современного состояния и задач, которые стоят перед чешскими диалектологами. Большую ценность представляет исчерпывающая библиография диалектологических работ (стр. 349—360).

«Очерки чешской диалектологии» Я. Белича — значительное событие в лингвистической жизни не только ЧССР. Насыщенная огромным конкретным материалом, отличающаяся глубиной исследования и широтой обобщений, а также интересной методикой описания, книга эта является не только пособием при изучении чешской диалектологии, но и неоценимым источником в исследовательской работе по диалектологии, истории языка и сравнительной грамматике славянских языков.

Е. В. Немченко, А. Г. Широкова

⁷ Ср. также: J. Bělič, *K otázce obecné češtiny*, «Studie ze slovanské jazykovědy», Praha, 1958.

В. А. Редькин. Акцентология современного русского литературного языка. — М., изд-во «Просвещение», 1971. 224 стр.

Книга В. А. Редькина ставит своей задачей описание «системы русского ударения» (стр. 3). Автор сумел учесть, использовать и донести до широкого читателя наиболее важные достижения теоретической акцентологии последних десятилетий, к числу которых относятся: а) разграничение акцентных отношений у производных и непроизводных слов (лексем), сопровождаясь детальным анализом мотивированности выбора той или иной ак-

центной кривой у производного слова¹; б) положение о том, что ударение (как грамматический способ) определяется

¹ См., например: R. F. Hingley, *The stress of Russian nouns in a/y under inflection*, «The Slavonic East and European review», 1952, 31, № 76; большую роль в обосновании рассматриваемого положения сыграли работы В. А. Редькина; см.: В. А. Редькин, *Акцентология*

морфологическим членением слова²; в) учение о вынужденном и условно приписываемом словоформам ударении³ и др.

Заслугой автора является введение в широкий научный обиход таких строго продуманных и точных дефиниций, как акцентная парадигма, акцентологический класс и акцентная кривая, а также существенная модификация общих определений типа «конечное ударение», которое автором для имен и глаголов трактуется по-разному (в именах это ударение на окончании, в глаголах это ударение на окончании или на глагольном суффиксе, см. стр. 6).

За изложением в главе I основных теоретических положений и дефиниций следует четко и просто сгруппированный материал, а именно: ударение в производных именах существительных (глава II) с описанием акцентных кривых (с учетом распределения по родам), заданных закрытыми списками; акцентные кривые вне классов и акцентная характеристика этих существительных; ударение в производных именах, подразделенных на два класса: производные I класса, у которых ударение зависит от производящего слова, и производные II класса, у которых ударение от производящего слова не зависит; далее следует аналогичным образом описанное ударение имен прилагательных (глава III), глаголов (глава VI), две небольшие главы (IV и V), посвященные ударению имен числительных и местоимений, а также «Приложения», в которых важен указатель акцентуации непроизводных слов, указатель суффиксов существительных, прилагательных и глаголов.

В рассматриваемых главах в теоретическом отношении представляется весьма интересным моментом то, что при классификации акцентных кривых имен существительных автор выделяет их классы по отношению к дат. падежу ед. и мн. числа (тем самым найден наиболее экономный, хотя, на наш взгляд, и не всегда адекватный способ описания). Продуманна, стройна и не вызывает возражений классификация акцентных кривых в именах прилагательных, данная с одновременным учетом акцентуации как полных, так и кратких форм. Представляется большим шагом вперед в теории и технике описания акцентных отношений в глаголе разграни-

современного русского языка. АДД, Л., 1970.

² Это положение впервые обосновал И. А. Бодуэн де Куртенэ (см. «Избр. труды по общему языкознанию», 2, М., 1965, стр. 143); благодаря работам таких исследователей, как Р. И. Аванесов, А. А. Зализняк, Е. Курилович и др. оно стало прочным достоянием акцентологии.

³ См.: А. А. Зализняк, «Условное ударение» в русском словоизменении, ВЯ, 1964, 1.

чение (по различительным возможностям) словоформ глаголов на три акцентологических класса. Удачей автора следует признать систематизированный обзор ударения, публикуемый в таблицах А, С и др. на стр. 121 и сл., дающий характеристику акцентуации глагольной лексемы в целом, в том числе и у неличных форм, что выгодно отличает рецензируемую работу от различных мнемонических описаний глагольной акцентуации, начиная от работ А. Х. Востокова и затем Я. К. Грота и вплоть до «Грамматики русского языка», I (М., 1954).

Что касается анализа ударения в непроизводных словах, то следует сказать, что автор выполнил свою задачу помочь читателю, основываясь на списках непроизводных слов, «определить ударение практически неограниченного ряда слов» (стр. 3). И это несомненное достоинство книги.

Представляя собой реализацию, систематизацию и популяризацию положений, изложенных автором в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970) в разделе «Ударение в словоизменении», настоящая книга в то же время выгодным образом отличается почти полным устранением грубых недосмотров, к числу которых в «Грамматике» можно, например, отнести: а) то, что в список акцентной кривой АВ попали прилагательные *вязкий, гибкий, гладкий, громкий, грубый* и т. д. (ср. § 1045), так что получалось, будто «Грамматика» рекомендует формы вроде: *вязкй, гибкй, гладкй, громкй, грубй* и т. д.; б) то, что при характеристике акцентной кривой Д (женского рода)⁴ были пропущены: *смола́, сноха́; сова́, соха́, сосна́, страна́, стрелкоза́; стрелá, стрехá, страна́, струя́, судьба́, толпа́, труба́, тюрьма́* (ср. § 1036); при характеристике акцентной кривой В (мужского рода)⁵ в списке был дан, например, *сентябрь*, но почему-то не дан *ноябрь*, дан *гилья́к*, но не дан *вотья́к* (пропуск и в рецензируемой книге), пропущены *гуля́к* (так и в рецензируемой книге), *каба́н, каза́н, кре́мль* (так и в рецензируемой книге), *снеги́рь, уста́йш* (так и в рецензируемой книге), *чета́е́рг, я́чмень* (ср. § 1031), а у жен. рода *конура́, чешуя́* (ср. § 1031; так и в рецензируемой книге)⁶; в) то, что в

⁴ Т. е. ударение на флексии в дат. и всех остальных падежах ед. числа: *сосне́, -бй* и т. д. и на основе в дат. и всех остальных падежах мн. числа: *сбсна́м, -ами* и т. д.

⁵ Т. е. ударение на флексии в дат. падеже ед. и мн. числа, а также во всех остальных падежах (кроме форм с нулевой флексией).

⁶ В § 1028 «Грамматики» автор утверждал, что «все существительные, не упомянутые в списках других акцентных кривых, относятся к акцентной кривой А»; аналогичное заявление сделано и на стр. 14 настоящей книги.

«Грамматике» среда (день недели) относится к акцентной кривой Д (ср. § 1036); г) то, что в «Грамматике» остались «беспризорными» производные глаголы II акцентологического класса с подвижным ударением типа *бесить, валить, дарить, пилить, служить, судить* и т. д.

Рецензируемая книга содержит и некоторые новые сравнительно с «Грамматикой» теоретические положения, которые принципиально интересны и вполне правомерны. Однако в книге они не обосновываются и, казалось бы, вступают в противоречие с поставленной автором узкой задачей описать «систему русского ударения». Мы имеем в виду разграничение продуктивных и непродуктивных акцентных кривых у непроизводных имен и глаголов.

Признавая правомерной задачу показать языковые явления только в системе, следует отметить, что такого рода подход накладывает серьезные ограничения на рамки, объем исследования, переступить которые можно, только опираясь на исторический диахронический анализ. Между тем исторического анализа материала, выходящего за рамки современного русского литературного языка, в работе нет или почти нет, хотя такой материал весьма нужен, например, учителю-русисту, которому адресована книга.

Растущие потребности людей «в более адекватном выражении их мыслей и чувств»⁷ в русском языке реализуются, в частности у непроизводных имен существительных как усиление акцентных противопоставлений словоформ мн. числа ед. числу и поддержание (ограниченная продуктивность) акцентных противопоставлений им. падежа косвенным и вин. падежу⁸; в глаголе исторически продуктивны акцентные противопоставления конечного ударения в 1-м лице ед. числа настоящего времени неконечному ударению в других формах настоящего и в формах прошедшего времени изъявительного наклонения (у глаголов II акцентологического класса); можно отметить и особую акцентную характеристику страдательных причастий в глагольной лексеме, которая еще ждет объяснения в категориально-семантическом плане⁹.

⁷ См.: Р. А. Б у д а г о в, Проблемы развития языка, М.—Л., 1965, стр. 33.

⁸ В. В. Колесов отмечает «сближение акцента с грамматической системой», начиная от рубежа XVI—XVII вв. «достигшее к настоящему времени наивысшей степени» («Именная акцентуация в древнерусском языке». АДД, Л., 1968, стр. 3). Ср. в этой связи материалы диссертации А. Г. Кясова «Особенности русской речи кабардинцев (фонетико-морфологический очерк)». АКД, Нальчик, 1972.

⁹ Вопрос о категориально-семантической основе особой акцентуации причастий весьма интересно, хотя и не бесспорно, ставится в работе: И. Э. Е с е л е в и ч,

Итак, с исторической точки зрения акцентные кривые предстают как продуктивные и непродуктивные, и такое распределение актуально как для производных, так и для непроизводных слов, ибо классы непроизводных слов могут неограниченно и непрерывно пополняться: а) в процессе заимствований, б) в процессе опрошения за счет производных имен, в) за счет перераспределения слов, принадлежащих к разным классам непроизводных. Но если это так, то не слишком ли категорично противопоставление акцентной кривой А и всех других акцентных кривых, которое мы находим в рецензируемой книге? Классификации акцентных кривых на продуктивные и непродуктивные должен предшествовать соответствующий диахронический анализ.

Наконец, в связи со сказанным выше следует остановиться и еще на одном спорном теоретическом вопросе. Исходя из положений, развитых в свое время А. А. Зализняком, автор в тех случаях, когда он имеет дело с акцентными характеристиками слов с неодинаковыми различительными возможностями ударения (ср., например, словоформы вин. падежа ед. числа *ночь, волн(у)*, «приписывает» некоторым словоформам с неразличением ударения (например, *ночь*) ударение словоформ с различением ударения (*волн(а)*). При всей принципиальной важности такого подхода нельзя не заметить, что конкретная интерпретация акцентуации словоформ с неразличением ударения (например, у существительных муж. рода акцентной кривой В) не может быть объяснена из самой системы, каким бы экономным, компактным и т. д. не представлялось такое объяснение, а может быть понята лишь из исторического анализа, с учетом конкретных языковых потребностей. С этой точки зрения нельзя безоговорочно согласиться с общим определением, данным автором в «Грамматике» (§ 1028), где словоформам с нулевой флексией «приписывается ударение дательного падежа того же числа». Нельзя не принимать во внимание, например, разнородность (качественную и количественную, историческую и структурную) имен муж. и жен. рода (ср. историческую продуктивность отношений *жук — жуку́, -а́м* и непродуктивность отношений *бахча́ — бахче́ — бахча́м*), объединяемых в одну акцентную кривую В согласно указанному выше правилу. Справедливости ради нужно отметить, что и сам автор характеризует акцентную кривую В у имен жен. рода как непродуктивную (стр. 31), а о кривой В у имен муж. рода такого замечания не делает (ср. стр. 20).

К истории ударения страдательных причастий в прошедшем времени глаголов III класса, сб. «Вопросы грамматического строя русского языка», Казань, 1970.

Можно сделать и ряд замечаний по поводу отдельных частных недостатков книги. Ни в рецензируемой книге, ни в «Грамматике» (ср. § 1057 и 1071) не оговорены акцентные отношения типа *брáлся — бра-лсь — бралсь* или *не дал — не да́л*. Их нужно описать. Вряд ли стоит рекомендовать *медведёй*, — *я́м* как допустимый, а *скоблши́* как обязательный варианты. В данном случае (что обычно и делается автором) надо более обстоятельно и критически выверить источники. Разграничение ударения в причастиях (принадлежность к акцентной кривой В или С) нужно поставить в зависимость от наличия слога в суффиксе страдательных причастий прошедшего времени; это по существу и делается в работе, но в неявном виде. Не следует безоговорочно характеризовать русское ударение только как дина-

мическое и силовое. Экспериментальные данные ясно обнаруживают его количественный характер¹⁰. При повторном издании желательно снабдить книгу указателем терминов и именным указателем.

Т. Г. Хазагеров

¹⁰ См.: Л. В. Златоустова, Фонетическая природа русского словесного ударения (на основе экспериментальных данных). АКД, Л., 1953; Л. Р. Зиндер, Общая фонетика, Л., 1960, стр. 297; Л. Л. Булакин, Фонетика современного русского литературного языка, Л., 1971, стр. 162; Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. П. Щербак о в. Об определении места ударения в слове, ИАН ОЛЯ, 1973, 2, стр. 143 и сл.

А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. — Л., изд-во «Наука» ЛО, 1970. 204 стр.

Монография А. М. Щербака принадлежит к числу наиболее значительных работ по тюркской фонетике, появившихся за последние десятилетия как в Советском Союзе, так и за рубежом. По объему, актуальности и сложности рассмотренных в рецензируемой книге вопросов, по детальности их освещения она является наиболее полным и обстоятельным исследованием среди всех фонетических работ, вышедших в послевоенные годы в области тюркологии.

Рецензируемая книга заключает в себе систематическое сравнительное описание фонетики современных тюркских языков с привлечением большого числа диалектных данных. Хотя весь этот материал привлечен автором для фактического обоснования реконструкции фонетического состава тюркского языка-основы и его дальнейшей эволюции, он имеет, однако, также и самостоятельное значение как систематизированный источник новейших сведений по основным разделам фонетики различных тюркских языков и по истории фонетических исследований в тюркском языкознании.

Именно этим обусловлен пропедевтический характер изложения большинства основных явлений, освещаемых в книге. Такая особенность изложения представляется оправданной как состоянием теоретической работы в области тюркской фонетики, так и соображениями учебно-методического порядка (если иметь в виду нужды высшей школы в тюркоязычных республиках и областях).

В рецензируемой книге намечена если и не программа, то во всяком случае совокупность существенных для тюркологии

фонетических проблем и тем, разработка которых должна внести много нового в различные отделы описательной и сравнительно-исторической фонетики тюркских языков, из которых последняя пока еще изучена слабо.

Монография имеет определенный и ясный замысел. Он состоит в том, чтобы, опираясь на имеющиеся в тюркском языкознании наблюдения, восстановить фонологическую систему общетюркского языка-основы и затем, снова вернувшись к нашему времени, проследить судьбы этой системы. Все, или почти все, в монографии подчинено этому замыслу.

Рецензируемая книга состоит из краткого «Предисловия» (стр. 3—4), «Сокращений» (стр. 5—8), «Введения» (стр. 9—25), где выражено отношение автора к алтайской гипотезе, обрисованы объект, цель и методы фонетического исследования, его материалы и источники, а также применяемая транскрипция. В гл. I «Фонология синхронных срезов» (стр. 26—142) рассмотрены элементарные фонологические единицы, причем поочередно дается анализ дифференциальных признаков гласных и согласных фонем (качественные и количественные признаки); в результате этого анализа реконструируются фонологические системы гласных и согласных фонем тюркского праязыка. В специальных разделах этой главы рассматриваются комплексные фонологические единицы (слог, слово, просодические явления), характеризуется фонологическая нагрузка тюркских звуков и просодических явлений и в заключение дается описание фонологической системы тюркского протоязыка. В гл. II «Историческая фонетика»